УДК 341.24

Алексей СИНДЕЕВ

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1907 г.

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее важные вопросы, рассмотренные на Гаагской конференции 1907 г., – событие, слабо освещённое в исторической литературе. Автор описывает правовой стандарт, зафиксированный в основных документах, формулирует гипотезу о его влиянии на последующее закрепление прав и свобод человека в международном праве. Также анализируются проблемы взаимодействия великих держав с точки зрения поддержания баланса сил в Европе и в мире, сложности поиска регулярных форм сотрудничества и достижения взаимовыгодного результата. Проведённая работа позволила определить суть гаагского процесса, его межгосударственной и наднациональной составляющих и констатировать, что после 1945 г. он “разделился” на два направления: ООН и региональные блоковые союзы с различными уровнями сотрудничества их членов. Представленный материал будет интересен для изучающих международные отношения; он даёт возможность лучше понять континуитет межгосударственного взаимодействия в Европе, повысить обоснованность практических рекомендаций. Статья написана на материалах Архива внешней политики Российской империи, которые подтверждают весомую роль России как инициатора конференции.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, европейская безопасность, международное право, “концерт держав”, Николай II, Извольский, Нелидов, Мартенс, Чарыков.

Поддержание и организация отношений между основными государствами начала XX в. характеризовались поиском правового стандарта. В его определении и последующем совершенствовании участвовали державы с разными политическими системами и исторической традицией. Наивным было бы предполагать, что между ними отсутствовала конкуренция и что страны руководствовались исключительно высокими целями сохранения цивилизации. Но именно национальные интересы обеспечивали заинтересованность, важность появления и постоянного совершенствования правил игры, общего правового стандарта. Почему-то в последнее время забыт один из важных исторических уроков: если (видо)изменяются вызовы време-

© Синдеев Алексей Александрович – д.и.н., профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН, профессор кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС при Президенте РФ. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** a_sin74@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12018126136>

ни и (над)национальные интересы, то должен (видо)измениться и правовой стандарт. Этот процесс является постоянным и сложным. Манифестация ценностей воспринимается в большинстве случаев как попытка доминировать и закрепить выгодное лишь определённому кругу стран состояние.

Вторая Гаагская конференция мира (15 июня – 18 октября 1907 г.), в которой приняли участие 44 страны, а Российская империя представляла интересы Черногории, подтвердила верность того, что теперь назвали бы эффективной стратегией управления: собравшиеся на столь значимый международный форум государства были обязаны прийти к общему результату. Правительства по вполне понятным причинам не захотели признать неспособность решать актуальные проблемы времени. Проводя ещё одну параллель с теорией управления, можно предположить следующее: постоянный характер региональных, межрегиональных и международных конференций и совещаний является значимой гарантией позитивного развития международных отношений. Попытка же ограничиться иными форматами свидетельствует о неготовности решать фундаментальные проблемы [Милуков, 1911].

Правовой стандарт

Состав участников конференции и различия интересов обусловили работу над реализацией трёх целей. Главная из них состояла в обеспечении цивилизованного ведения сухопутной и морской войны, в принятии правил поведения нейтральных, не участвовавших в военных действиях держав. Две другие заключались в более эффективном предотвращении, с помощью совершенствования практики третейского судопроизводства, военных конфликтов и в возмещении ущерба понесённого собственниками в ходе военных действий.

В этой связи исторической особенностью создания и развития системы международного права, а значит и фиксации правового стандарта, явилась потребность государств в обеспечении легитимности собственных действий, предпринимаемых ими для охраны территории, поддержания и претворения в жизнь национальных интересов. Данная потребность обуславливалась обязанностью обеспечить защиту граждан, их собственности, заботой о недопущении анархии на захваченной или оставленной противнику территории и о быстрейшем наступлении упорядоченных отношений между властью и населением в условиях невозможности для того времени исключить из практики международных отношений войну как таковую. Последнее обстоятельство особенно интересно, так как оно играло важную роль для монархий, заинтересованных в модернизационной перенастройке (приспособлении) механизмов воспроизводства традиции с целью последующей длительной конкуренции как между собой, так и с парламентскими государствами. Война поэтому могла допускаться как экстраординарное средство, а её ведение нуждалось в *постоянном* правовом упорядочивании.

Парадокс состоял в том, что занимаясь согласованием прав и обязанностей воюющих держав, страны с различными политическими системами *совместно* создавали международный стандарт прав и свобод человека, окончательно утвердившийся после Второй мировой войны. Сначала речь шла о защите права на жизнь, гарантиях для военнопленных, о сохранении собственности, отказе от определённых военных практик, затем особые права и обязанности во время войны были перенесены на человека и его правовой статус в мирное время. Следовательно, в исто-

рическом смысле иллюзорны любые попытки узурпировать авторство на права и свободы человека в системе международного права, приписать их появление той или иной стране или политической культуре. Они смогли стать реальностью благодаря *всем* странам, их несхожести. Стоит помнить и то, что для международного права не столь важно, регулирование какой сферы происходит. Принципиален сам процесс, так как только он способствует эволюции системы и повышает её жизнеспособность.

Конвенция о мирном решении международных столкновений 1899 г., в принципе, оставалась в прежнем виде [Синдеев, 2016: 136–139]. Однако после ее уточнения на Второй конференции появилась возможность допускать к урегулированию споров державы, не подписавшие новый текст при условии, что они признавали его положения. Следовательно, речь шла о временном присоединении и развитии системы прецедентного права. После добровольного обращения в Международный третейский суд стороны конфликта едва ли могли помешать вынесению решения. Ужесточение процедуры судопроизводства в известном смысле компенсировалось за счёт разрешения учитывать положения заключенных ранее двусторонних третейских соглашений. Новизной стало сокращённое третейское судопроизводство, действовавшее для долговых требований. Стороны “согласились не прибегать к вооружённой силе для истребования договорных долгов, взыскиваемых правительством одной страны с правительства другой страны, как причитающихся её подданным”¹. Уклонение от третейского разбирательства в этом случае могло грозить войной².

Цивилизованная война должна была начинаться с “мотивированного объявления” или с ультиматума, невыполнение которого предусматривало непосредственный переход к военным действиям. При этом торговые суда получали право покидать порты, их конфискация являлась нарушением международного права. Впрочем, не возбранялись задержка или реквизиция за последующее вознаграждение. Данная норма распространялась и на грузы. Под защитой находились также суда, экипаж которых не знал о начале военных действий [См. подробнее по принятым документам и присоединению к ним России: Справка ИДД МИД РФ].

В Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. во многих положениях был пролонгирован текст 1899 г. Определялись группы тех, кто относился к

¹ Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долгам обязательствам 1907 г. Ст. 1.

² Российский посол в США таким образом пояснял суть проблемы и интересы инициаторов постановки данного вопроса: “Вооружённое вмешательство Англии, Германии и Италии в 1903 г. с целью принудить венесуэльское правительство к удовлетворению претензий его кредиторов подало повод среди южно- и среднеамериканских республик... к возникновению “доктрины Кальво” или “доктрины Драго” (по имени первых её провозгласителей), которую можно вкратце выразить в следующих словах: “никакое государство не имеет права употреблением вооружённой силы принудить другое государство к выполнению его долговых или иных обязательств по отношению к его кредиторам или держателям таких обязательств”... Соединенные Штаты очевидно не могли связать себе руки безусловным одобрением подобной доктрины, не разделённой многими европейскими державами” (Депеша барона Р.Р. Розена, 26.05/8.06. 1906, № 23 // Архив внешней политики Российской империи (далее. – АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 4904. Л. 2).

Современная Европа, 2018, №1

воюющей стороне и кто включался в состав воюющего населения [Ср. также: Женевская конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях от 6 июля 1906 г.¹ Числов, 1910: 55–61]. В конвенции прописывались права и обязанности военнопленных и государств, взявших их в плен: запрещалось лишать военнопленных собственности и привлекать к тяжёлым видам работ; сохранялась обязательная их регистрация; присутствовали защита деятельности “обществ для оказания помощи военнопленным”, получение денежных переводов, гарантии религиозных свобод. “По заключению мира отсылка... на родину должна быть произведена в возможно близкий срок”, – значилось в документе. Любопытно, что стороны не могли “объявлять потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования подданных противной стороны”².

Что же касается самих военных действий, то особо подчёркивалось принятое ограничение: “[в]оюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю”. Стороны не должны были “употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания”; “атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищённые города, селения, жилища или строения”, в частности “храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники, госпитали и места, где собраны больные и раненые, под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям”³. Воспрещалась бомбардировка незащищённых портов. Принцип ограничения в выборе средств войны должен был действовать в последующем и в отношении атомного, водородного и бактериологического оружия, потому что содержащиеся в нем вещества были “способны причинить излишние страдания”. Таким образом, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки по действовавшим в то время нормам международного права носили неправовой характер. Исторически понятно, почему этот вопрос не поднимался, хотя даже в условиях военной необходимости требовалось помнить о принципе наименьших потерь.

Кроме того, в Гааге было подтверждено, что на захваченной территории следовало “насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия”, то есть не допустить безвластия. В любом случае “[ч]астная собственность не подлеж[ала] конфискации”, реквизиции могла подлежать только государственная собственность с последующим возмещением убытков после войны. Под частной собственностью понималась и “[с]обственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы и принадлежащих государству”⁴.

Специальному регулированию подверглась процедура обращения торговых судов в военные. Судно продолжало считаться торговым, если оно не получало соответствующих атрибутов военного судна, его командир не вносился в список офи-

¹ Даты в основном тексте статьи указаны по новому стилю.

² Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Положение о законах и обычаях сухопутной войны) 1907 г. Отд. I. Гл. II. Ст. 20; Отд. II. Гл. I. Ст. 23.

³ Там же. Отд. II. Гл. I. Ст. 22–23, 25, 27.

⁴ Там же. Отд. III. Ст. 43, 46, 56.

церов, а экипаж не подчинялся “правилам воинской дисциплины” и отсутствовала отметка об “обращении в списке судов”. Ограничивалось право захвата, в том числе почтовой корреспонденции нейтральных и воюющих держав¹. Нейтральные почтовые суда подлежали осмотру “лишь в случае необходимости, со всей возможной осмотрительностью и быстротою”. Освобождались от захвата суда “для берегового рыболовства или для потребностей мелкого местного мореплавания”, а также “выполняющие научные, религиозные или филантропические поручения”. Не допускался захват военно-госпитальных судов; данная норма относилась к судам, “снаряженны[м] вполне или отчасти на средства частных лиц или официально признанных обществ подаяния помощи”. Под защитой находились лазареты на военных судах. Кстати, “присутствие на судне радио-телеграфического аппарата”, то есть оборудования двойного использования, не давало права нарушать охранный статус военно-госпитального судна. Экипаж торговых судов, духовные лица, врачи и персонал лазаретов не могли быть взяты в плен, а госпитальные суда должны были “оказывать помощь и попечение... без различия национальностей”².

В то время едва ли реально было полностью запретить применение подводных, автоматически взрывающихся мин; однако участникам конференции удалось договориться об упорядоченном их использовании. Мины должны были оснащаться механизмом самоликвидации. Государства брали на себя обязательства предпринять “все возможные предосторожности для безопасности мирного мореплавания”³, информировать об “опасных районах”, после войны позаботиться о снятии мин⁴.

Кроме того, воюющие державы гарантировали неприкосновенность нейтральной территории. Со своей стороны, нейтральное государство отвечало за соблюдение принципа беспристрастности: “Все ограничительные или запретительные меры... должны быть... применяемы к воюющим одинаково”. Нейтральные страны могли оказывать услуги “в области полиции или гражданского управления”. Подобная помощь не классифицировалась “как действия, совершенные в пользу одно-

¹ По мнению российского Генштаба, “какие бы законы и соглашения ни были установлены во время войны, почтовая корреспонденция, захваченная на суше или на море, обязательно будет пересмотрена” (Секретная телеграмма А.И. Нелидову в Гаагу, С.-Петербург, 5.08.1907 (ст.ст.) // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5037. Л. 87).

² Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне 1907 г. Гл. I. Ст. 2–4; Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1907 г. Ст. 2, 4.

³ Конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин 1907 г. Ст. 3, 6.

⁴ Россия выступала за “тщательное изучение новой техники и [желательный] срок для введения аппаратов, которые были бы признаны гарантирующими означенные интересы” (Секретная телеграмма А.И. Нелидова, Гаага, 22.06/5.07. 1907 // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1067. Л. 168). Морское ведомство выражало сомнения относительно того, как можно обеспечить выполнение договоренностей, потому что принадлежность мин к государству в случае их взрыва или отсутствия специальной маркировки трудно установить (Секретная телеграмма А.И. Нелидову в Гаагу, С.-Петербург, 13.07. 1907 (ст.ст.), № 944 // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1067. Л. 200).

го из воюющих”. Кроме того, “[н]ейтральная держава не [была] обязана препятствовать вывозу или транзиту за счёт того или другого из воюющих оружия, военных припасов и вообще всего, что может быть полезно армии или флоту... Не может рассматриваться как враждебное действие отражение нейтральной державой, даже силою, покушений на её нейтралитет”¹. Захват судна в водах нейтрального государства означал для последнего необходимость “употребить средства... чтобы приз был отпущен, вместе с его офицерами и его экипажем”. Суда воюющих могли оставаться в нейтральных портах не более 24 часов, чтобы закупить топливо или устранить неполадки. Согласно принятой норме “[в]оенное судно воюющего может продолжить своё пребывание в нейтральном порте более законного срока лишь по причине аварий или ввиду состояния моря”². Не разрешался одновременный выход из порта судов воюющих стран. Если граждане нейтральных государств принимали участие в военных действиях на стороне воюющих, то подобное участие не лишало нейтральное государство его статуса.

Создавалась международная апелляционная инстанция в призовом судопроизводстве, в котором “[з]аконность захвата торгового судна или его груза устанавливается, если дело идет о нейтральной или неприятельской собственности”. Частные лица при определенных условиях могли потребовать компенсации убытков произведенного воюющими государствами захвата, направляя заявления, в том числе и по телеграфу, в Международную призовую палату, если при этом они были готовы внести аванс и оплатить услуги лиц, которые были уполномочены представлять их интересы. Данное право должно было действовать только после вынесения окончательного решения национальными призовыми судами. Особо подчеркивалось, что в Призовой палате “[с]удьи не могут получать от своего собственного правительства или правительства какой-либо другой державы никакого вознаграждения в качестве членов палаты”³. Палата должна была состоять из 15 судей. Наверное впервые юридически были закреплены особые права великих держав в международных организациях, потому что постоянными судьями могли являться только представители Австро-Венгрии, Германии, Великобритании, Италии, России, США, Франции и Японии. Призовая палата получала право выступать с инициативой изменять предусмотренные в Конвенции процедуры судопроизводства. В административном плане ее работу поддерживали органы, созданные ещё в 1899 г. – Административный совет и Международное бюро.

Благодаря договоренностям, выработанным на Гаагской конференции 1907 г., были заложены институциональные основы наднационального уровня власти в Европе. С одной стороны, едва ли целесообразно рассматривать органы ЕС как непосредственное продолжение Административного совета или Международного бюро. С другой стороны, не стоит забывать, что европейская интеграция – это, в первую очередь, детище юристов, которые, ещё будучи студентами, изучали международ-

¹ Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г. Гл. I. Ст. 7, 9–10; Гл. III. Ст. 18.

² Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 г. Ст. 3, 14.

³ Конвенция об учреждении Международной призовой палаты 1907 г. Разд. I. Ст. 1; Разд. II. Ст. 20.

ное право, в том числе и по нормативно-правовым актам, принятым на конференции. И, наконец, возможность делегирования части национальных полномочий для столь значимого числа государств была закреплена именно в 1907 г. Последнее касается и независимости лиц, задействованных в новых организациях.

Участие в конференции держав с различными политическими системами потребовало гибкости касательно временного периода утверждения правового стандарта. Не случайно во всех документах оговаривалось отложенное присоединение, действовавшее для стран, не готовых сразу ратифицировать ту или иную часть согласованного стандарта. В некоторых случаях могли применяться и положения, принятые на Гаагской конференции 1899 г.

Практика разбивки единого проблемного комплекса на несколько документов и последующего открытого присоединения участников заслуживает специального внимания. На Гаагской конференции 1907 г. было подписано 13 конвенций и одна декларация. Получалось, что все государства-участники имели три варианта действий: 1) поставить подпись и ратифицировать принятые документы, 2) подписать, но задержать ратификацию некоторых из них, 3) не подписывать часть документов, ограничась лишь теми, которые соответствовали их национальным интересам. Независимо от выбранного варианта правовой стандарт системно развивался.

Споры о правовом стандарте

Каждое время имеет свои нюансы. Начало XX в. современники называли периодом империализма, господства крупных стран. Малым странам приходилось маневрировать, играть на противоречиях главных игроков, поддерживать заключаемые ими во время той же Гаагской конференции ситуативные союзы, заботиться о единстве собственного лагеря, делиться, насколько это соответствовало национальным интересам, полученной информацией.

Показателен пример нейтральной Швейцарии. Прибыв в Гаагу и проведя первые рабочие встречи руководитель швейцарской делегации Г. Карлин пришёл к выводу, что не все вопросы были решены до созыва конференции. В депеше от 17 июня 1907 г. в Берн он сообщал о создании специальной (четвертой) комиссии по правам и обязанностям нейтральных держав: “Когда господин Нелидов (первый уполномоченный российской делегации и председатель конференции. – А.С.) проинформировал меня об этом проекте, я не мог не заметить, что текст ... российской ноты... не может оправдать создания *особой* (курсив в документе. – А.С.) комиссии для нейтральных; это не соответствует российской программе. Он ответил, что к четвертой комиссии обратились, потому что обсуждение вопросов, связанных с нейтральными державами, хотели отделить от правил сухопутной и морской войны, которыми занимаются другие специалисты” [Diplomatische Dokumente, 1983: 387].

А.И. Нелидов мог рассчитывать в этом вопросе на поддержку англичан и итальянцев. Соответствующие беседы позволили Г. Калину утверждать, что “[в] том же фарватере следуют сэр Э. Фрей и граф Торньелли (главы английской и итальянской делегаций соответственно. – А.С.), причём Фрей подчеркнул, что якобы нам пойдёт на пользу, если права и обязанности нейтральных будут чётко записаны. Я высказал сомнение: хотя формально и хотят обсуждать *права* (здесь и далее курсив в документе. – А.С.) нейтральных, но, в принципе, речь всё же идёт об их *обязанностях*; существует опасность, что их уточнение окажется равноценным ужесточению и без того гнетущей нагрузки. Фрей пообещал мне поддержку, если мы ока-

жемся в затруднительном положении” [Diplomatische Dokumente, 1983: 387]. Но конкретную помощь швейцарцам оказали немцы, имевшие печальный опыт разрешения первого марокканского кризиса и не желавшие вновь очутиться в изоляции. Благодаря вмешательству их делегации специальная комиссия не была образована.

Споры о развитии правового стандарта были совершенно нормальным явлением. Не случайно вторая Гаагская конференция продолжалась более четырёх месяцев. Следует помнить, что и великие державы не могли действовать поодиночке, им приходилось считаться друг с другом и формально с остальными участниками. Именно поэтому ни один сложный проект не был реализован в первоначальном виде. Практически всё, что составило правовой стандарт, явилось компромиссом, а некоторые проекты были перенесены на последующие конференции.

К сложным вопросам относилось обязательное третейское судопроизводство. По мнению юристов того времени, существовали семь вариантов организации третейского суда¹, но фактически речь могла идти о двух формах, подразумевающих полное или частичное обязательное международное рассмотрение спорных вопросов. В последнем случае в качестве ограничителей выступали “жизненные интересы”, “независимость”, “честь договаривающихся сторон”, “споры высокой национальной важности”, “споры меньшего значения”. Дополнительной сложностью второго варианта было согласование списка вопросов, подлежащих обязательному третейскому разбирательству. Россия предлагала ограничиться небольшим списком. Если государства-участники приняли бы решение об обязательном третейском судопроизводстве, то остальные вопросы носили бы второстепенный характер. Кстати, в Гааге “между Италией и Аргентинской республикой” был заключён третейский договор, “из области компетенции которого исключаются только вопросы, касающиеся конституции договаривающихся держав и национальности их подданных”².

На самой Гаагской конференции сформировались два лагеря: сторонники первого настаивали на постоянном суде и отсутствии обязательного круга вопросов, то есть исходили из факультативного обращения и модернизации судебных институтов, созданных в 1899 г.; для государств, входивших во второй лагерь, был более важен принцип обязательности, поэтому им требовался каталог значимых вопросов, когда участники спора или конфликта были обязаны привлекать суд. Глава французской делегации Л. Буржуа следующим образом объяснял суть конфликта: “с одной стороны, в случае обязательности участники оказываются связанными неполитическими, чисто юридическими решениями... с другой же – отношениями, при которых решения о возможности привлечения судей предоставлены лишь им самим” [Diplomatische Dokumente, 1983: 405].

Соединённые Штаты хотели добиться в Гааге постоянного обязательного суда. При этом они воздерживались от детализации процедуры его формирования, рассчитывая получить право прибегать к “упрощённой и более дешёвой юстиции”³. Англичане надеялись прийти к тому, что “[г]осударства обязуются передавать на

¹ О желательных дополнениях к Конвенции 1899 г. о мирном решении международных столкновений // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1067. Л. 67–94.

² Утренний бюллетень С.-Петербургского Телеграфного Агентства, 9.09. 1907 // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4983. Л. 28–30.

³ Секретная депеша А.И. Нелидова, Гаага, 9/22.08. 1907, № 20 // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1067. Л. 225.

третейское разбирательство Гаагскому суду все возникшие между ними недоразумения юридического свойства или проистекающие из толкования существующих трактатов под условием, чтобы они не затрагивали их независимости, существующих интересов или чести, и не касались интересов других государств, причём сами спорящиеся государства являются единственными судьями этих условий”¹.

Немцы полагали, что “можно условиться о третейском разбирательстве с государствами, в добросовестности и миролюбии которых можно быть уверенными. Но неосторожно было бы связывать себя подобным образом со всеми государствами мира”. Поэтому немецкие делегаты сделали вывод, что “вопрос не созрел”², а значит его обсуждение нужно переносить. Однако 28 августа 1907 г., по информации российского посольства в Берлине, “Чиршкий (статс-секретарь германского МИДа. – А.С.) обещал немедленно послать инструкции германскому делегату на Гаагской конференции, рекомендуя ему принять предложенный нашим делегатом список случаев, обязательно подлежащих международному арбитражу”³. Малые страны выражали озабоченность, что их представителей не окажется среди судей. При этом Сербия, Португалия и Швеция считали целесообразным поддержать идею обязательного суда.

Что касается России, то министр иностранных дел А.П. Извольский напоминал А.И. Нелидову: “Россия... имела в виду (выдвигая данный пункт повестки дня, далее подчеркнуто в документе. – А.С.) облегчить пользование этим могущественным средством, но отнюдь не принуждает к пользованию им. Лишь для некоторых случаев, совершенно устраняющих возможность конфликта на политической основе, Россия допустила исключение в пользу обязательного арбитража, но и в этом случае не встретила единодушного сочувствия (ещё на первой конференции. – А.С.)”⁴.

В августе было отвергнуто компромиссное предложение Швейцарии, по мнению которой затруднения можно было бы разрешить, если предпринять три шага: 1) стороны признают желательность учреждения обязательного суда; 2) составляют список вопросов, которыми должен заняться данный суд. Каждое государство выбирает из списка те из них, рассмотрение которых оно готово передать суду; 3) между странами, выбравшими одинаковые вопросы, заключается отдельное соглашение. Таким образом, суд работал бы с различными сторонами по разным каталогам и в разном составе. Проблема включения судей из малых государств была бы разрешена и был бы введён принцип гибкой обязательности.

В итоге были произведены лишь уточнения положения 1899 г., о чём А.И. Нелидов написал управляющему МИД К.А. Губастову: “Ни Постоянный третейский суд, ни обязательный арбитраж окончательно учреждены не были. Правительствам предоставляется разрешить эти вопросы на основании выработанных конференцией проектов и юридических данных”⁵.

¹ Секретная телеграмма А.И. Нелидова, Гаага, 1/14.09. 1907, № 49 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 155. Л. 64.

² Секретная депеша А.И. Нелидова, Гаага, 9/22.08. 1907, № 20... Л. 225–226.

³ Секретная телеграмма действительного статского советника Н.Н. Булацеля, Берлин, 15/28.08 1907 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 141. Л. 37.

⁴ Письмо А.П. Извольского в Гаагу, С.-Петербург, 21.06. 1907 (ст.ст.), № 535 // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1067. Л. 164–165.

⁵ Секретная телеграмма А.И. Нелидова, Гаага, 4.10. 1907, № 40 // Там же. Л. 260.

Отдельный сложный блок представляло призовое законодательство. Основная дискуссия велась между англичанами и немцами. Великобритания настаивала на постоянно действующем призовом суде, обращение к которому должно было происходить “во всех тех случаях, когда [национальный] призовой суд поставил своё решение в ущерб интересам нейтральной державы или её подданных”. Согласно английскому проекту в течение трёх месяцев после ратификации соответствующего соглашения державы, “обладающие торговым флотом водоизмещением более 800 000 т”, назначили бы судей и их заместителей. Вынесение решения в Международном призовом суде допускалось и в отсутствие ответчика¹. Таким образом, Англия выступала за постоянные суды для правительств невоюющих стран; Германия же планировала создание временных судов, в которых рассматривались бы обращения частных лиц нейтральных стран и воюющих правительств². Малые страны в основном поддержали германское предложение.

4 июля 1907 г. начались детальные прения по проектам. Несмотря на однозначные инструкции, А.И. Нелидов не терял надежды переубедить МИД и добиться присоединения России к ним. “Безусловное же сопротивление участию международных призовых судов, – писал он в С.-Петербург, указывая на председательскую роль России, – считаю более чем когда-либо невозможным”³. МИД в свою очередь переадресовывал первому российскому уполномоченному ответы морского ведомства: “Если действительный тайный советник Нелидов, – говорилось в одном из них, – находит совершенно невозможным вести это дело в согласии с полученной им инструкцией... то остаётся лишь просить Вас (обращение к А.П. Извольскому. – А.С.) принять все возможные меры к ослаблению значения и вреда для морского министерства от предполагаемого высшего международного призового суда”⁴. А.И. Нелидов не отступал. Создаваемый суд, убеждал он, “имеет действовать... лишь тогда, когда учреждаются и подобные национальные суды, то есть в военное время”⁵. Следовательно, аргументировал он, России нечего опасаться, если она ограничит полномочия национальных судов исключительно военным временем. 10 июля 1907 г. в очередной секретной телеграмме МИДа передавались указания морского министерства: “Адмирал Диков (Иван Михайлович Диков с 11 января 1907 г. – морской министр. – А.С.) считает более целесообразным поддержать принципиальное... возражение об отсутствии кодекса, коим должен руководиться международный суд”⁶. В тот же день А.И. Нелидов телеграфировал: “Присоединюсь завтра к... возражению... Это дело – не исключительно морского ведомства, а достоинства русского правительства”⁷.

¹ Информация С.-Петербургского Телеграфного Агентства // Там же. Л. 159–160.

² Секретная телеграмма А.И. Нелидова, Гаага, 25.06/8.07. 1907 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 155. Л. 27.

³ Секретная телеграмма А.И. Нелидова, Гаага, 21.06/4.07. 1907 // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1067. Л. 166.

⁴ Секретная телеграмма А.П. Извольского – А.И. Нелидову, С.-Петербург, 24.06. 1907 (ст.ст.), № 847 // Там же. Л. 171.

⁵ Деша А.И. Нелидова, Гаага, 27.06. 1907 (ст.ст.), № 5 // Там же. Л. 177.

⁶ Секретная телеграмма А.П. Извольского, С.-Петербург, 27.06. 1907 (ст.ст.) // Там же. Л. 182.

⁷ Секретная телеграмма А.И. Нелидова, Гаага, 27.06/10.07. 1907, № 17 // Там же. Л. 183.

Одновременно он просил санкционировать выдвижение на конференции собственного компромиссного решения¹, но получил отказ. В итоге Россия “воздерж[алась] от всякого участия в обсуждении и учреждении вышесказанного трибунала”².

Список литературы

- Милуков П.Н. (1911) Вооружённый мир и ограничение вооружений. С.-Петербург. С. 119–128.
 Синдеев А.А. (2016) Истоки европейской безопасности: Гагская конференция 1899 г. // *Современная Европа*. № 4. С. 130–140.
 Справка ИДД МИДа РФ “К 110-летию Второй Гагской конференции мира” // idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/k-110-letiu-vtoroj-gaagskoj-konferencii-mira.
 Числов П.И. (1910) Современное право войны. М. 100 с.

References

- Diplomatische Dokumente der Schweiz (1983) / bearb. von Prof. H. Lüthy, Prof. G. Kreis. Bd. 5 (1904–1914). Bern. 1044 S.
 Miljukov P.N. (1911) Vooruzhenyj mir i ogranichenie vooruzhenij. S.-Peterburg. S. 119–128.
 Sindeev A.A. (2016) Istoki evropejskoj bezopasnosti: Gaagskaja konferencija 1899 g. // *Sovremennaja Evropa*. № 4. S. 130–140.
 Spravka IDD MIDa RF “K 110-letiju Vtoroj Gaagskoj konferencii mira” // idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/k-110-letiu-vtoroj-gaagskoj-konferencii-mira.
 Chislov P.I. (1910) Sovremennoe pravo vojny. M. 100 s.

Sources of European security: The Hague Peace Conference of 1907

Author. Sindeev A. Doctor of Science (History), Professor of RAS, Chief Researcher, Institute of Europe, RAS; Professor of Department of Foreign Area Studies and International Cooperation, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. **Address:** 11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** a_sin74@mail.ru

Abstract. The article analyzes the most significant issues discussed at the 1907 Hague Conference, which is especially important in the context of a lack of publications on this topic. The problems of interaction of great powers in terms of maintaining the balance of power in Europe and in the world, the difficulty in defining effective forms of cooperation and achieving a mutually beneficial result are in the focus of this research. Its results make it possible to determine the essence of the Hague process, its interstate and supranational components, and to draw a conclusion that after 1945 it developed in two areas: the UN and regional bloc alliances. The article is written on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, which makes it possible to assess the important role of Russia as the initiator of the conference. The material will be of interest to historians and political scientists.

Keywords: Hague Peace Conference, European Security, International Law, Concert of Powers, Nicholas II.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12018126136>

(Окончание в следующем номере)

¹ Секретная депеша А.И. Нелидова, Гаага, 6.07. 1907, № 9 // Там же. Л. 189.

² Секретная депеша А.И. Нелидова, Гаага, 30.07/12.08. 1907, № 18 // Там же. Л. 215.